

По берегу бродили молчаливые пары. Не найдя своих мест на каменных скамейках, они спускались по крутым склонам к морю и пропадали в песках.

— Да, — ответил я. — Сам бы не прочь поселиться в этом земном раю, но... не для нашего кармана такое удовольствие. Иное дело — американцы, англичане, у этих валюта крепкая.

— А ты возьми и женись на дочке какого-нибудь короля — ну, скажем, табачного, железного, стального или еще какого-нибудь другого... За чем дело-то стало. — Парень ладный, с титулом все что надо.

— А сам-то ты, Ванюша, чего не попытаешь счастья? Смотри, сколько наехало американских «теток». Проходу нет на пляже. Графская корона, старый род — чуть не от столовых князей киевских — легче легкого найти невесту.

— Я об этих вещах и не думаю, — ответил серьезно мой друг. — Влюблен я, голубчик, даже, здорово влюблен... в Айседору Дункан.

Не смог удержать смеха. — Чудак, ты же ее никогда и не видел.

— Не видел, потому и влюблен, — ответил Ваня и хлестнул коня. Понеслись рысью. За поворотом «показалась Ницца, вся в мигающих заманчивых огнях».

— Казаки, наши казаки, смотрите, Айседора. Два женских силуэта перенулись через перила и протянули оголенные до плеч руки.

— Очень рада, слезайте с коней, — пригласила одна из женщин с сильным иностранным акцентом, и добавила по-французски. — Милости просим — без церемоний... я обожаю русских. Закрепили поводья на железных прутьях окон нижнего помещения и «по-казацки», запросто влезли на террасу.

Айседора не была красивой, но все ее существо хранило очарование былого величия.

Компаньонка Айседоры оказалась русской. Звали ее Ниной Давыдовой. Красивая голова, с большими черными глазами, свежим девичьим лицом и зачесанными, слегка серебриющимися волосами.

— От нее я узнал, что Дункан недавно вернулась из Советской России, что там она оставила последние свои деньги и разбитое Есениным сердце.

— Встретились у знакомых. Упросила жить с ней. Лисбло ее и жаль от души. Сердце золотое, отдает последнее. Но отдавать больше нечего — разорена. Живем виноголодь — чем Бог поможет. Друзья не показываются. Брат отвернулся. Поклонники постарели, а то и померли... Прошла молодость — старость беспощадна, уже успела замести следы былого успеха... А живет, как институтка, — в мечтах. Слушает танго, глядит в море и ждет чего-то... Жалко смотреть!..

На другом конце террасы сидели на плетеном диване Айседора с Ваней. Она держала его руку в своей и нежно гладила миниатюрными, бледными пальчиками. Сощуренные глаза устремлены были вдаль, на море, а губы о чем-то тихо шептали над самым ухом Ивана.

— Неужели это Айседора?

нула губами к его руке и, казалось, застыла в этой позе навсегда.

— Она нашла пищу своему воображению. Ваш друг видит в нем воскресшего античного бога... Будет драма, увидите... — проговорила Давыдова.

Уехали к себе под утро. Длилась влюбленность Ваня ровно 15 дней. Конечно, мы больше не ездили верхом и целые дни проводили в розовом домике. Мой друг оставался там и по ночам, просиживая с Айседорой на террасе до зари.

Мне и до сих пор кажется, что Айседора импонировала Ване, и что любил он в ней легенду, которой окружено было имя знаменитой танцовщицы.

Мы приносили с собой закуски, водку и стряпали сдобщица в крохотной кухоньке фантастические блюда — из ничего. Затем «ставили» танго и танцевали до упаду.

Этих вечеров мне не забыть никогда! Аргентинскому танго научила меня Айседора. Она исполняла его божественно, без кривляний, как это происходит в европейских салонах и дансингах, а по-настоящему, по-аргентински, с огнем (особенно «страшно» танцует его в северных странах).

Однажды много лет спустя

данное Богом на земле. — объяснялась она Ване при нас, без стеснения. — Я люблю тебя до смерти и, если бы могла, унесла бы с собой в могилу.

Польщенный и обвороженный поначалу, Иван стал тяготиться скоро назойливой страстью стареющей женщины. Близость срывает драгоценную вуаль таинственности, за которой женщине можно казаться иной, чем она есть на самом деле. Несмотря на сумасбродные выходы и поэтический дух, Айседора была созданием среднего духовного достатка, падкой на все наружно-сентиментальное. Под влиянием момента она способна на все. Но не думаю, чтобы ее переживания носили глубокий и длительный характер.

В один из воскресных вечеров сидели мы на морском берегу, забавляясь бросанием камешков в набегавшие пенные волны. Я собрался рассказать как-то то шутку Нине Давыдовой, но услышал тревожный окрик Ванюши и повернулся к нему. Неожиданная картина представилась моим глазам. Айседора стояла по колени в воде и, несмотря на мольбы моего друга, уходила все дальше в море.

— Вы с ума сошли, Айседора, остановитесь! — орал Ваня безрезультатно.

Пришлось броситься за ней, как были в костюмах. Ее умоляли вернуться на берег.

— Что на нее напало? — спросил я друга, выжимая мокрые штаны, навсегда потерявшие форму.

— Бес ее знает! Хотела идти к звездам, — ответил он, отплеывая морскую воду.

Еще несколько свиданий, «последнее» танго и... чаша любви была испита. Испита Ваней, не Айседорой. У этой последней жажда усилывалась с каждым днем. Я чувствовал надвигающийся разрыв, боялся драмы. «В ее возрасте женщина способна на все» — казалось мне.

Утром пришло долгожданное письмо из Бельгии, предлагавшее моему другу выехать в Брюссель без замедления, а вечером, часов около семи, ворвался в комнату Ваня — взволнованный и бледный.

— Послушай, дружище, — проговорил он второпях. — Собираюсь и еду. Жди вестей от меня, как было условлено. Если же ты... ты знаешь, о ком я говорю, зайвись — скажи, что улетел к «звездам».

— Какой ты жестокий, Ванюша, — ответил я с сердцем, — надо жалеть всякую Божью тварь, а тем более женщину. Сам ведь к ней навязался, можно сказать, соблазнил «своей красотой»!

— Соблазнишь такую! — процедил он сквозь зубы с иронией.

— Что же особенного произошло между вами сегодня?

Ваня опустил на диван и начал говорить с поспешностью.

— Что ошибся, что любил ее воображение — того не скрываю. Оказалась старой, увядшей — без ума и фантазии! Какую, сделал неосторожный шаг, превратив мечту в действительность... Не надо было подниматься на террасу розового дома, не надо было раскрывать тайны... Помнишь, как волновались, подъезжая к нему? То бы-

ли лучшие моменты моей жизни... В последние дни я не мог выносить ее обществу, ты, кажется, заметил! Но, сегодня, произошло то, что окончательно оттолкнуло меня от Айседоры.

— Ну, ерунда какая-нибудь, — вставил я беззаботным тоном.

— Ерунда? — вспыхнул Ваня. — Слушай. Пришел я к ней в два часа. Заставила ждать в салоне минут двадцать. Давыдовой не было. Не вытерпел, постучал в спальню и окликнул. Прошло еще минут десять. Вдруг распахивается дверь и на пороге появляется Айседора в широком плаще яркого пушистого цвета, накинутом прямо на голое тело. На голове торчит красный, заостренный шлем. «Что это за маскарад?» — спрашиваю с насмешкой.

«Одевание великой идеи, воплощенной в жизни!»

Думаю, обычная, пустая фраза... Подходит к граммофону, ставит диск и под звуки старинной мелодии, начинает маршировать по комнате, ну, что-то вроде ритмического танца. Сначала сценка эта меня даже позабавила. Айседора была похожа на клоуна. Пусть, думаю, себе танцует, всю свою жизнь танцевала. Ты, вероятно, слышал, что она пыталась выразить свою скорбь по поводу трагической гибели двух очаровательных малюток, кружась в танце вокруг изуродованных трупиков и забрасывая их листьями папоротника, которые для нее одной имели какое-то символическое значение!.. На этот раз она танцевала передо мной, перед своим любимым человеком, но, к сожалению, я не сразу понял смысл ее пантомимы. Когда игла дошла до половины диска — разом мой взор прояснился, и с досады я прежде всего хлопнул себя по голове. Звучала мелодия «Интернационала», под которую Айседора величественно отплясывала созданный в Советской России коммунистический танец. Как же я раньше не догадался — ведь шлем-то на ней был красноармейский!..

Сознаюсь, не смог сдержать гнева, ударом кулака разнес из граммофона пластинку, а с нее сорвал позорный наряд. «Не сердись, милый мой, для тебя этот танец был, чтобы обрадовать твою душу. В нем вся мощь твоей родины, тебе незнакомой...»

— Не знаю, — смеялась она надо мной, или вконец вышла из ума... Добрый гений вывел меня на улицу — останься на минуточку дольше — натворил бы беды... Вот и все. Не желаю ни в чем разбираться, не ищу никаких объяснений — хочу забыть все — точно не было этих пятнадцати дней в моей жизни. Прости меня, дружище...

Наскоро затянули чемоданы и поехали на вокзал. Мы оба страдали от разлуки, нашу дружбу ковали годы лишения...

Три звонка, душераздирающий вопль локомотива, и вот еще одна перевернутая страница нашей короткой жизненной книги!

В гостинице ждала меня голубая, в четыре сложенная бумажка. На одной из ее сторон было выведено женской рукой: «Ивану». Оставила бумажку Айседора. «Толстая женщина с заплаканными глазами». — сказала консьержка.

ра Дункан? спрашивал я себя мысленно. Эта полнокрая женщина с тяжелой поступью, неужели это та знаменитая танцовщица, та до умопомрачения изящная и красивая босоножка, в которую был влюблен весь мир? Неужели эта матрона в потертом платье владела 12 старейшими замками в Европе, великолепными дворцами Венеции, Мадрида и Кипра, и к ее ногам бросил фабрикант Зингер свои неисчислимы миллионы? Без сомнения — это она, но какая перемена... «Судьба играет человеком...»

Лошади фыркали от голода и нетерпения, луна скрылась за лесом, и мы все продолжали сидеть на потемневшей террасе.

Голова Айседоры соскользнула с Ванюшиного плеча, и она вдруг приль-

тя после смерти Дункан, пригласил я на танго в Парижском клубе Дану — хрупкую и изящную брюнетку. Когда музыка смолкла, партнерша спросила меня с удивлением:

— У кого вы научились танцевать таким образом?

— У Айседоры Дункан, — ответил я.

— В таком случае не поражаюсь. Ее профессором был знаменитый тореадор Гуашо — лучший исполнитель танго.

Моя партнерша оказалась не менее знаменитой: Аргентиной — звездой испанского балета.

Но Айседора была на самом деле увлечена моим другом. Вероятно, эта любовь была ее лебединой несней.